

сведениям сельсовета, в 1945 г. насчитывалось 11 польских хозяйств, а выразили желание уехать в Польшу 206 хозяйств (Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4. Оп. 29. Д. 828. Л.5).

Отъезжающие в Польшу оставили в БССР домов, хозяйственных построек и другого имущества на общую сумму 104,5 млн рублей. Общая площадь оставленных посевов – 24 725 га (Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 7. Оп. 3. Д. 1930. Л. 84).

Властные структуры пытались контороллировать ситуацию, стремясь если не прекратить, то хотя бы ограничить количество отъезжающих. Так, 39 044 человеку было отказано в выезде как белорусам (Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 7. Оп. 3. Д. 1930. Л. 84).

Главной причиной массового отъезда населения в Польшу было неприятие советской власти с ее налоговым прессом на единоличника и принудительной коллективизацией, арестами и депортациями, религиозным давлением.

И.Кравченко, ответственный работник отдела пропаганды и агитации ЦК КП (б) Белоруссии после проверки работы партийных и советских органов в Видзовском районе Полоцкой области по вопросу переселения в Польшу, проведенной в мае 1945 г., вынужден был признать: «... население не довольно работой местных сельских советов..., можно сказать, что сельсоветы работают, не соблюдая никаких конституционных правил ..., не стоят на защите интересов крестьян» (Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4. Оп. 29. Д. 828. Л.70).

По архивным данным, из Польши в БССР за 1944–1947 г. вернулись около 8 тыс. семей, что, естественно, не могло компенсировать людские потери (Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 7. Оп. 3. Д. 1930. Л.39).

Переселение польско-белорусского населения в первые послевоенные годы отрицательно сказалось на демографической ситуации в республике, существенно повлияло на социально-экономическое положение в западном регионе.

С.А.Елизаров, канд. ист. наук, доцент ГГТУ (г.Гомель)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ И ПРАВОСОЗНАНИЕ БЕЛОРУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА

Одной из важнейших конститутивных характеристик этноса, наряду с языком, этническим самосознанием, религией, исторической памятью, выступают его ментальные характеристики. В свою очередь, одной из важнейших функций ментальности этноса является фиксация

неписанных норм, определяющих повседневную внутреннюю жизнь социума, не всегда совпадающих с действующим законодательством и составляющих в своей совокупности обычное (традиционное) право. Обычное (традиционное) право как начальная форма правовых установлений, регулировавших нормы общественных и бытовых отношений, во-первых, послужило основой формирования права государственного, во-вторых, постепенно эволюционируя, закрепилось на длительное время как правовая форма регулирования отношений в сословном обществе (и прежде всего в среде крестьянства).

Сохранение обычного права в крестьянской среде было результатом правового обособления крестьянства, начавшегося с установления крепостничества. Крестьяне как бесправное сословие, изолированное от регулирующего влияния норм государственной власти, выработало (на основе предыдущего догосударственного правового опыта) определенную совокупность правовых норм, определявших внутреннюю повседневную жизнь деревни, т.е., семейные, имущественные, поземельные, хозяйственные и всевозможные гражданские отношения. В такой форме обычное право становилось опорой деревни в отношениях с помещиком и государственной властью.

Таким образом, крестьянское обычное право государственного периода можно определить как совокупность правил правового назначения, сложившихся в качестве общественно значимых обязательных норм поведения крестьянства на основе длительной народной практики вне прямой нормотворческой деятельности государства. При этом само государство отдельные элементы этого обычного права санкционировало, превращая их в правовой обычай, придавая тому или иному правилу поведения качество правовой нормы, поддерживаемой и охраняемой государством.

Реформа 1861 г. юридически признала ряд норм обычного крестьянского права с целью включения их в общую систему государственной нормативной регуляции общественных отношений.

Известно, что обычное крестьянское право основывалось на функционировании «мирского» самоуправления. «Мир» определял права и обязанности его членов, нормы и правила взаимоотношений как внутри определенного сельского коллектива, так и в отношении к внешнему окружению. Он являлся мощным орудием эффективного социального контроля за поведением индивида, контроля постоянного, строгого, от которого нельзя было скрыться. На основе крестьянского обычного права реформа 1861 г. создала разветвленную структуру крестьянского общественного управления (прежде всего сельский сход и сельский староста), которое получило довольно широкие полномочия.

Документы реформы разрешали крестьянам руководствоваться своими обычаями при решении наследственных имущественных вопросов, дел, связанных с опекой и попечительством.

За крестьянским «миром» при общинном землепользовании сохранялось право на периодические переделы пахотных и сенокосных угодий как средства реализации традиционного крестьянского представления о справедливости. До начала 90-х г. эти переделы государством не регламентировались и находились в распоряжении сельских сходов. При подворном землепользовании в коллективном владении крестьян находились только пастбища, леса, рыбные ловли, пустоши. Но порядок их использования определялся по приговорам сельских сходов, исходя из крестьянских представлений и традиций «справедливости».

Вместе с тем государство не санкционировало в качестве правового обычая трудовой принцип владения землей как основу крестьянского традиционного правосознания. Этот трудовой принцип базировался на убеждении – земля либо Божья, либо государственная, что вытекало из традиции рассматривать единственным источником приобретения имущественных прав только личный труд.

Нормы обычного права нашли отражение в деятельности крестьянских волостных судов. В Беларуси пореформенного периода его нормы применялись в основном при рассмотрении дел о наследовании крестьянами недвижимого и движимого имущества. До отмены крепостного права широко крестьянами применялось разрешение споров «выборными третейскими людьми», обладавшими большим жизненным и производственным сельскохозяйственным опытом. Учитывая это, законодательство 1861 г. разрешало спорящим сторонам вместо волостного суда обращаться к этому традиционному «третейскому по совести суду», решение которого после занесения его в «книгу приговоров волостного правления» «обретало законную силу, а жалобы на него не принимались».

С проникновением в деревню капиталистических отношений, постепенным расширением прав крестьянства с начала XX века сфера применения обычного права суживается, его нормы все более вытесняются гражданским законодательством. Тем не менее, до настоящего времени многие нормы обычного права, хотя и трансформированные, в значительной мере характеризуют ментальность белорусского населения.